Рекомендовано Ученым советом факультета истории, археологии и этнологии КазНУ им. аль-Фараби (протокол №5 от 25.12.2014)

Работа выполнена в рамках государственной программы «Народ в потоке истории» на средства гранта Научно-прикладная программа Республиканского научного центра по изучению традиционных цивилизаций Центральной Азии

Редакционная коллегия:
Г.Б. Хабижанова (ответственный редактор),
Т.О. Омарбеков, Б.Б. Карибаев,
М.С. Ногайбаева (зам.ответственного редактора)

Взаимодействие природы и общества в кочевой цивилизации народов Центральной Азии: сборник научных трудов / отв. ред. Г.Б. Хабижанова. – Алматы: Қазақ университеті, 2015. – 170 с.

ISBN 978601-04-1177-7

В статьях авторов сборника получили отражение вопросы экологических сюжетов, сохранившихся в традиционной культуре и мировоззрении тюркоязычных народов, роль этногеосистемы в средневековой истории Казахского ханства, исследование нарастания русского присутствия в Степном крае и Сибири в контексте понимания евразийской политики Российской империи, последствия разрушения традиционного хозяйства казахов в период сталинской силовой модернизации.

Жинақ авторларының мақалаларында экологиялық мәселелер, түркі тілдес халықтардың дүниетанымы мен дәстүрлі мәдениеті, Қазақ хандығының ортағасырлық тарихындағы этногеожүйесінің рөлі, Ресей империясының евразиялық саясатының контексінде Дала өлкесі мен Сібірдегі орыстардың көбеюіне қатысты зерттеулер, сталиндік күштеу модернизациясы жылдарындағы дәстүрлі шаруашылықтың күйреуінің салдары көрініс тапқан.

ISBN 978601-04-1177-7 © КазНУ им. аль-Фараби, 2015

ПРЕДИСЛОВИЕ

Взаимодействие и взаимовлияние мира природы и человека, отражение этого феномена в формировании системы ценностей кочевого общества, этнополитической и социокультурной жизни номадов Центральной Азии является одной из малоизученных проблем кочевой цивилизации. Особое восприятие номадов мира природы, повлиявшем на все стороны общественной жизни кочевого социума, в том числе и на формирование социально-политических институтов, является ключом к пониманию этими народами всей системы мироздания.

В основе мировоззрения и культуры кочевников был принцип обеспечения гармонии мира природы и человеческого общества, что в условиях идущих современных процессов глобализации, отсутствия должного внимания экологическим проблемам, кризиса духовности как никогда актуализирует наследие предков. В этой связи в общем понимании происходящих в настоящее время процессов важными являются определенные, ставшими вечными категории-символы, такие как забота о природе и родной земле, различного рода родовые маркеры, свидетельствовавшие о культе природы и тесной взаимосвязи ее с миром человека, их взаимовлияние через взаимодействие. Этим объясняется реактуализация исследований, прослеживающих становление тесной взаимосвязи мира материального с миром духовным, получившим отражение в мировоззрении кочевника Центральной Азии. Ведь потеря этой связи, согласно пониманию кочевников, ассоциировалась с началом космической катастрофы.

Предлагаемые в рамках обозначенной темы научные статьи отражают накопившиеся в науке теоретические знания,

НАШИ АВТОРЫ

Г. ИСКАКОВА – докторант кафедры истории Казахстана Казахского национального университета им. аль-Фараби, г.Алматы

Б.Б. КАРИБАЕВ – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории Казахстана, член-корр. Национальной Академии наук РК, Казахский Национальный Университет им. аль-Фараби, Республика Казахстан, г. Алматы

Т.Е. КАРТАЕВА – кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры археологии, этнологии и музеологии, Казахский Национальный Университет им. аль-Фараби, Республика Казахстан, г. Алматы.

М.С. НОГАЙБАЕВА – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Казахстана, Казахский Национальный Университет им. аль-Фараби, Республика Казахстан, г. Алматы.

Т. ОМАРБЕКОВ – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории Казахстана, Почетный академик Национальной Академии наук РК, Казахский Национальный Университет им. аль-Фараби, Республика Казахстан, г. Алматы.

Н.О. ТАДЫШЕВА – кандидат исторических наук, заместитель директора БНУ РА научно-исследовательского института алтаистики им. С.С. Суразакова, Россия, Республика Алтай, г. Горно-Алтайск.

Г.Б. ХАБИЖАНОВА – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории Казахстана, Казахский Национальный Университет им. аль-Фараби, Республика Казахстан, г. Алматы.

Л.И. ШЕРСТОВА – доктор исторических наук, доцент, профессор, зав.кафедрой востоковедения, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, г. Томск.

Л.И. Шерстова

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ПЕРЕКРЕСТОК В АЗИИ – СИБИРСКАЯ КРЕПОСТНАЯ ЛИНИЯ[2]

С начала XVIII в. в геополитические интересы центральных российских и местных сибирских властей все более сосредоточиваются на определении южных рубежей Сибири. И если в Забайкалье это диктовалось началом интенсивных дипломатических и торговых контактов с Китаем, что неизбежно ограничивало российское проникновение в новые земли, то в Западной Сибири Россия по-прежнему пыталась найти свои южные пределы.

Установившийся к концу XVII в. относительный баланс сил между Россией и Джунгарией вызвал к жизни такой социально-политический институт, как двоеданство, следствием чего стало появление своеобразной буферной зоны между двумя государствами.

Однако строительство заводов на Урале, а затем и на Алтае, увеличение числа постоянных русских поселений приписных крестьян, мастеровых, горнорабочих привело к осложнению отношений с башкирами, ногайцами, казахами в Южном Зауралье и возникновению напряженности между Россией и Джунгарией в Обь-Иртышском междуречье. Последнему способствовала и активизация южного направления внешней политики при Петре I. Одним из ее проявлений стала организация экспедиции И. Бухгольца в Яркенд, которая должна была пройти по Иртышу, а затем по собственно джунгарским землям. Хотя экспедиция не достигла цели, ее итогом стало основание Ямышевской (1715) и Омской (1716) крепостей. Полковник Ступин усилил русское присутствие на Иртыше, построив Семипалатинскую крепость (1718). В 1720 г. в устье р. Ульбы Лихаревым была заложена Усть-Каменогорская крепость.

Попытки возражений со стороны Цэван-Рабтана упирались в новое понимание границы, на котором настаивал Петр I. Собст-

[2] Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 № 14.B25.31.0009).

венно само продвижение русских по Иртышу стало отражением взглядов императора на то, каким образом должна пролегать российско-джунгарская граница. В 1715 г. он писал Цэван-Рабтану: «Те земли сибирские, а не твои контайшины, потому, что сибирские реки Обь, Енисей и Лена искони сибирские и от устья, где впали в Северное море, и до гор, из которых те реки потекли. Тако же, которые реки впали в них, то те земли, откуда потекли те реки, земли Царского Величества» [Цитата по: 13, с. 5].

Иными словами, в своем понимании государственной границы Петр I отошел от традиционного критерия ее определения, крывшегося в евразийском политическом наследии Московского царства. Весь XVII в. успешному русскому продвижению по Сибири способствовало евразийское представление о том, что «чьи люди, того и земля». Следствием такого подхода являлось установление в первую очередь политической (податной) зависимости от Москвы как можно большего количества аборигенного населения. С момента их объясачивания они (и, следовательно, земли, на которых они обитали) становились частью Российского государства.

Именно по фискально-даннической принадлежности происходило политическое размежевание сибирского населения. В случае примерного равенства сил противоборствующих сторон, вводился институт двоеданства, предполагавший одновременную зависимость данной группы населения от разных государств. В связи с этим сибирские власти спокойно относились к бегству ясачных, т. к. будучи подданными Москвы, они невольно расширяли и ее территориальные рамки. Взгляд Петра I на то, что граница должна определяться не зависимостью (вернее, не только ею) населения от конкретного государства, а проходить по определенной местности, менял геополитическую ситуацию на южных рубежах Сибири: прежний тезис замещается новым: «чья земля, того и люди».

Возможно, такой подход закрепился непривычными для сибирской политики России статьями Нерчинского договора, определившими ее рубежи в Забайкалье по р. Аргуни. Принцип проведения границ на местности отразился и в Буреинском договоре 1727 г., по которому русско-китайская граница шла от

Кяхты до перевала Шабин-Дабага и далее до Джунгарии с учреждением маяков и караулов.

Таким образом, в Сибири неопределенные «рубежи немирных землиц» постепенно заменяются установлением достаточно четкой границы, определяемой географически на картах и топографически на местности.

Важно подчеркнуть, что изменение отношения к южным сибирским рубежам стало следствием двух процессов, протекавших параллельно друг другу. С одной стороны, в 1727 г. было приказано строить «по границам Сибири крепости для защиты заводов и приписных крестьян» [1, с. 5]. С другой – произошло переосмысление понятия «рубеж»: его заменила граница, которая, естественно, должна быть укрепленной. Постепенно от Урала до Алтая вытягивается цепочка караулов, крепостей, фортов, пикетов, маяков, известных как казачьи линии: Оренбургская, Горькая, Иртышская, Колыванская, Кузнецкая, образовавшие единую Сибирскую линию. Она и обозначила сибирские пределы России к середине XVIII в., хотя вплоть до начала XIX в. линия неоднократно обновлялась и достраивалась.

«При всякой крепости, – отмечал П. Словцов, – есть предместье, в котором живут отставные семьи казачьи. Пространство редутов и сила их менее в половину против крепостей. Команды их, обязанные наблюдать за неприкосновенностию границы, прежде втыкали в землю лучки или полуобручи, но с 1771 г. вместо лучков делались преграды из двух жердей, в столбики вкладываемых. По раскидке жердей узнавали вторжение заграничных воров» [17, с. 409].

Однако это не останавливало набегов, и отряды казаков отправлялись в степь, чтобы не только вернуть угнанный скот, но и наказать грабителей. Еще более сложным являлось сохранение неприкосновенности границы в горных районах Алтая, где набег чаще фиксировался уже после того, как он произошел. В 1747 г. комендант Усть-Каменогорской крепости Павлуцкий докладывал командующему линией Крофту «об отгоне от Усть-Каменогорской крепости казачьих и частных 67 лошадей… При отгоне этих лошадей калмыки ранили двух солдат стрелами чуть не до смерти» [14, с. 55].

Следует заметить, что обычно набеги на Колыванскую линию совершали не собственно калмыки (джунгары), а их под-

данные – тюркоязычные обитатели Горного Алтая, в русских документах также именуемые «калмыками». Такие инциденты случались достаточно часто и раньше: в 1744 г. русские власти вынуждены были обратиться к Галдан-Церену, сообщая: в сентябре «1743 состоящие под командою вашего зайсана Омбы калмыки Келеш да Чадыр на Чарыше убили русских троих (человек) и украли на Чагырском руднике… 3 лошади, 3 котла и другие предметы». По указанию хана Омбо отдал часть награбленного, но не признал своих людей убийцами [14, с. 71].

Однако, с начала XVIII в., несмотря на отдельные протесты Цеван-Рабтана, а затем Галдан-Церена, внешнеполитические интересы Джунгарского ханства, по преимуществу, сосредоточивались на отношениях с Китаем и казахскими жузами. В ситуации непримиримого противостояния с Цинской империей, правители Джунгарии надеялись если не на помощь, то хотя бы нейтралитет со стороны России. Именно этим объясняется тот факт, что, несмотря на угрозы с джунгарской стороны, русским удалось закрепиться на Иртыше. К тому же, Джунгарию в целом устраивали существовавшие отношения с Россией. Они создавали относительно безопасный тыл, учитывая, что интересы ханства тяготели к богатым торговым путям Средней Азии. Присоединение в XVII в. оазисов Восточного Туркестана решало проблему приобретения продуктов земледелия и ремесел джунгарскими скотоводами и снижало зависимость от русских поселений Сибири. Перенос Галдан-Цереном столицы с верховий Иртыша на Или объяснялось не столько китайской угрозой, сколько стремлением приблизиться к развитым торговым, ремесленным и земледельческим центрам Восточного Туркестана.

Таким образом, непосредственными соседями русских от Усть-Каменогорска до Бийска было тюркоязычное население Горного Алтая и верховий Бухтармы. Но и тюркские зайсаны осознавали необходимость мирных отношений с казаками. В 1750 г. зайсан Омбо просил выехать командира Бикатунской крепости на «р. Керексу (Карасу – Л. Ш.) для совещания о прекращении обоюдного воровства [14, с. 84]. Для подданных Джунгарии, обитавших в горах Алтая, очень важным также являлось сохранение торговых отношений с русским населением. Следует отметить, что торговля всегда была важным компонентом русско-ойратских отношений. Уже первое посольство Хо-

Урлюка в Тару, состоявшееся в 1606 г., выразило «просьбу о разрешении приезжать в Тару для торговли. В следующем году сюда прибыло 90 ойратов с 550 лошадьми, которых продали на платье и на деньги и на бумагу». Постепенно «калмыцкие торги» открылись и в других сибирских городах. Только в 1652 г. ойраты приходили в Томск пять раз, что свидетельствовало о взаимном интересе обеих сторон [18, с. 24–26, 33]. Благодаря ойратам, ранние русские поселенцы достаточно быстро решили проблему нехватки лошадей и крупного рогатого скота. С началом русско-ойратской торговли оживились и связи Сибири со Средней Азией, т. к. вместе с калмыками в русских поселениях вновь появились бухарцы и ташкентцы. С образованием Сибирской линии торговля переместилась на нее.

В 1748 г. Киндерман доносил Сенату, что им куплено несколько «зенгорских быков», отличавшихся силой и дородностью [14, с. 130]. Постепенно Иртышские крепости – Семипалатинская, Усть-Каменогорская, Петропавловская – превратились в крупные торговые центры. Во второй половине XVIII в. здесь устраиваются меновые дворы, торги, а затем открываются и таможни. Но место прежних русских торговых партнеров – ойратов-калмыков – занимают казахи, чьи кочевья, вследствие падения Джунгарского ханства, с 1758 г. приблизились к Иртышу между Омской и Усть-Каменогорской крепостями [24, с. 260]. Скотоводческое хозяйство казахов заняло торговую нишу, ранее принадлежавшую джунгарам и их подданным.

К этому времени русские поселенцы уже имели достаточно развитое скотоводство, и той потребности в покупку скота, которая существовала прежде, уже не было. Это повлияло на снижение русского спроса на казахские товары. Но укрепившаяся за прошлое столетие торговля русских со Средней Азией, зарождавшиеся торговые (частью контрабандные) связи с Китаем имели важное значение для экономики России и Сибири.

С 1838 по 1854 гг. Семипалатинск и Усть-Каменогорск входили в состав Бийского уезда Томской губернии. По данным губернских властей, в 1840 г. «главная промышленность Семипалатинска заключается в торговле, частью в киргизские (казахские – Л. Ш.) степи, а преимущественно с Китаем, Ташкентом и Бухарою, доставляя казне пошлины от ввозимых товаров до 100 руб. серебром… Относительно населения г. Семипалатинска

можно сказать, что оно носит азиатский тип, потому что в нем почти две трети женской суть татары, ташкентцы и киргизы (казахи – Л. Ш.), с некоторой частью бухарцев, здесь водворившихся… К числу преступлений относятся мелкие кражи, особенно лошадей и рогатого скота, производимых по большей части кочующими около Семипалатинска киргизцами (казахами – Л. Ш.). Домов всего 891, из них 115 принадлежат ташкентцам и киргизцам, 190 – купцам и 239 – мещанам. Следует отметить, что большая часть купцов была представлена казанскими и сибирскими татарами. Общее население Семипалатинска насчитывало 7 393 человека. Из их ташкентцев было 840 д. о. п., казахов – 1132 д. о. п., мещан – 1840 д. о. п., военных и казаков – 1864 д. о. п.» [6, л. 431-432; л. 532 – 538].

По мнению В. Радлова, посетившего Семипалатинск в 1862 г., последний представлял собой достаточно большой город и являлся «центром торговли Западной Сибири с Киргизской (Казахской – Л. Ш.) степью и Западным Китаем. Местные татары и ведут в основном эту торговлю. Они переселились сюда из Восточной (Европейской – Л. Ш.) России». Он также отмечал, что кроме «русских татар здесь живет еще много ташкентских купцов, которые не являются российскими подданными и живут с паспортами». И далее: «Иртыш у Семипалатинска рассматривается как подлинная граница внутренней империи, здесь кордон и взимается пошлина. Южные же степи рассматриваются как «заграничные места» [16, с. 73].

Словом, к середине XIX в. Семипалатинск из крепостного укрепления по облику и занятости его жителей превратился в международный торговый центр. Другим таким центром, хотя и менее значительным, сделался Усть-Каменогорск. Численность населения Усть-Каменогорска в 1849 г. составляла 1968 д. м. п. и 861 д. ж. п. Усть-Каменогорские купцы преимущественно вели торговлю с китайскими пограничными городами: Кульджой, Чугучаком, а также возили свой товар в «Киргизскую степь» и на Ирбитскую ярмарку. В городе насчитывалось 109 купцов, 305 казаков Сибирского линейного войска, 546 мещан и проживало 172 иноверца, среди которых были также купцы из Средней Азии [6, л. 444 – 456].

Если эти ранние русские крепости, сооруженные для защиты внутренних пределов Сибири, первоначально имели исключи-

тельно оборонительную (отчасти фискальную) функцию, то постепенно они стали торговыми центрами, т. е. линия-граница, разделяющая народы, трансформируется в ряд центров притяжения различных культур. Изменяется внешний облик обитателей линии, вследствие изменения состава и основных занятий городского населения. Вместе с новыми товарами, привозимыми из-за границы, приходят и новые идеи, расширяется культурное пространство жителей Сибири. Соответственно, роль Сибирской линии меняется на противоположную – она начинает не столько разделять, сколько сближать разноэтничное, поликонфессиональное население Евразии. Само же линейное население формируется в результате длительных процессов аккультурации и ассимиляции разных этнических компонентов.

Не останавливаясь на вопросе сложения линейных казаков, отмечу, что в их формировании участвовали донские и запорожские казаки, переселенные со своих исконных земель, крестьяне, которых неоднократно поверстывали в казаки. В 1846 г. появился указ, по которому «киргизам (казахам – Л. Ш.), проживающим в (казачьих – Л.Ш.) станицах, велено было выселиться из них или поступить в казаки» [24, с. 544].

Однако формирование смешанного населения Сибирской линии началось еще в XVIII в., что было связано с обычной для Сибири той поры практикой торговли ясырем (рабами из пленных), особенно в XVII в. По убеждению С. Шашкова, «торговля рабами была очень развита в Сибири и имела несколько средоточных пунктов» [19, с. 516]. Ясырей покупали и продавали в Томске, Тюмени, Тобольске, Якутске и т. д. Как правило, ими являлись плененные во время казачьих рейдов в «немирные землицы» женщины и дети, которых спешно крестили и раскупали, решая одновременно проблему недостатка русских женщин в Сибири на протяжении всего XVII столетия. По мнению С. В. Бахрушина, «учесть даже приблизительно количество туземок»,… пополнивших русские города и селения… «не представляется возможным» [3, с. 98].

Поэтому неудивительно, что заметной статьей ойратско-русской торговли были рабы. Ш. Б. Чимитдоржиев отмечает, что в документах того времени часто встречаются такие выражения, как «ясырь из колмаков, «полоненный мунгальский ясырь». Основная масса купленных рабов уходила в Европейскую Россию

[18, с. 34 – 35; 21, с. 20 – 21], поскольку уже к концу XVII в. все сибирские сословия, включая местных аборигенов, обзавелись собственными холопами. Новым толчком к развитию работорговли в Сибири послужили события 1753 – 1758 гг., когда Китай разгромил, наконец, Джунгарское ханство.

В 1759 г. в результате допроса Афанасия Селезнева в Канцелярии командующего линией, выяснилось, что последний занимался разбоем и грабежами бывших джунгарских подданных в горах Алтая. Кроме того, он рассказал, что встречали они «киргиз-кайсаков (казахов – Л. Ш.), ехавших в Алтайские горы», а когда через месяц встретились с ними вновь, казахи захватили множество калмыков и огромные стада скота [14, с 222–223].

Показательно, что в середине XVIII в., вследствие запрета работорговли в сибирских городах, источником получения этого вида доходов становится линия. Но если в XVII в. основным партнером русских были калмыки, то теперь их заменили казахи, продававшие главным образом пленных джунгар и их подданных.

Чтобы каким-то образом отрегулировать вопросы торговли людьми, в 1756 г. появились правила покупки у казахов пленников. При этом сибирский губернатор Мятлев, ссылаясь на Уложение, объяснял это необходимостью «для преумножения домочадцев в сибирских городах, малолюдных и недостаточных: купцы и юрточные бухарцы, выменивая или покупая невольников, обязаны были обращать их в христианство» [17, с. 17].

Отношение властей к работорговле оставалось двойственным вплоть до первой половины XIX в. С одной стороны, присутствовало понимание недостойности распространения такого явления для просвещенной страны. Отсюда – указы 1818, 1822, 1825, 1826 гг, направленные на ограничение торговли невольниками в Сибири, хотя это было время расцвета крепостничества в Европейской России. Однако если там владельцами крепостных могло быть лишь дворянство, то в Сибири, как отмечалось, рабами владели представители всех свободных сословий, прежде всего, купечество.

То, что центральная и местная власти резко не ограничивали работорговлю в XVII – XVIII вв., определялось сохранением евразийской традиции русской государственности, направленной на увеличение численности русских подданных в Сибири. Тезис

московских царей «полнить волости» своеобразно трансформировался в стремление увеличивать число подданных и за счет невольников. К тому же, приобретать в рабство, вернее, вводить в домашнее холопство калмыков-монголов, стремление окружить себя ими отражало сохранявшийся у русских комплекс «ордынского господства» [21, с. 18 – 19]. Такой подход к иноэтничным пленникам способствовал их быстрой ассимиляции, особенно на линии. В 1818 г. в Томской казенной палате рассматривалось дело пятидесятника Сибирского линейного казачьего войска Федора Бедрина. Выяснилось, что у него «принят за сына» крещеный калмык Антон Бедрин, а также на воспитании находятся «таковые же» Василий и Михаил. Все трое «пользуются наравне с прочими Казачьему войску присвоенными выгодами и ни в какой другой род жизни, кроме казачьего сословия, поступать не желают» [5, л. 2]. Уже современники отмечали чрезвычайно смешанный состав сибирских казаков, в частности, их «калмыковатость» [23, с. 433; 25, с. 170]. Согласно данным Ж. О. Артыкбаева, в состав казаков, кроме русских, вошли украинцы, мордва (до 7 %), белорусы (до 3 %), казахи (до 3 %), татары, калмыки, башкиры, чуваши и т. д. [2, с. 167].

Таким образом, линия превратилась в один из мощных узлов этногонии. Однако процесс ассимиляции не мог завершиться сложением какого-либо нового этноса, ибо метисные потомки автоматически вливались, прежде всего, в казачье сословие. Они могли выделяться внешним обликом, сохранять некоторую культурную специфику, но, как правило, они говорили только по-русски и, будучи православными, оказывались лишь этническим компонентом русского этноса в Сибири.

Несмотря на усиливавшиеся попытки государства ограничить число сибирских невольников, следствием чего стало появление в 1822 г. закона о 150-рублевом вознаграждении из казны тем, кто отпустит на волю своих дворовых калмыков по достижении ими совершеннолетия (25 лет), в 1834 г. в Каинском округе насчитывалось 4 дворовых калмыка, в Кузнецком – 12, в Бийском – 160, в Барнаульском – 25, в Томском – 41. Как бы то ни было, в Томской губернии, спустя почти 80 лет после гибели Джунгарии и разгула работорговли на Сибирской линии, 242 «души мужеска пола» (не учитывая женщин) оставались холопами, преимущественно, русских купцов. Еще более 40 калмы-

ков, из уже отпущенных на волю или освобожденных от рабства, состояли без причисления в Казенное ведомство. Чтобы ускорить этот процесс, указом от 22 декабря 1832 г. было разрешено причислять освобожденных дворовых калмыков к градским обществам даже при отсутствия их согласия. Обычно их приписывали в мещанское, крестьянское, казачье сословия [8, л. 184, 248 – 252].

Совершенно очевидно, что Сибирская линия вносила аборигенный компонент в население всей Сибири и даже Европейской России, что, безусловно, влияло на культурную специфику, прежде всего, сибирских городов, хотя их азиатские черты в XIX в. уже были изрядно смазаны. Но на Сибирской линии и в XIX в. Азия непосредственно соприкасалась с Европой. Одной из проблем, проявившихся здесь уже в середине XVIII в., оказались отношения с казахами (в источниках – киргизы, киргиз-кайсаки). По отношению к ним в большей степени проявилась противоречивость внешней политики России в Азии во второй половине XVIII – XIX вв. Продвижение казахов вдоль Иртышской линии в 1763 г. побудило Пекин разрешить Средней Орде кочевать в принадлежавших ранее джунгарам степях, с платой по 1 лошади со 100 и 1 овце с 1000 человек, производить торг в Кульдже и Чугучаке и отправлять депутации в Пекин [24, с. 275]. Иными словами, в русско-китайских отношениях всплывала евразийская традиция института двоеданства, подкреплявшаяся периодическим принятием султанами и ханами Среднего Жуза то русского, то китайского подданства. Это привело к тому, что Аблай и Вали-хан, как и их аулы, одновременно находились в двойной зависимости от России и Китая.

Часть Средней Орды, по преимуществу керей-уаки, откочевала на опустевшую территорию бывшего Джунгарского ханства. Для основной массы казахских найманов, кыпчаков, аргынов Сибирская линия стала линией хозяйственных, культурных, торговых контактов. Во второй половине XVIII в. в Сибири вновь возрождается «буферная зона», которая, в условиях равновесия военного присутствия России и Китая в этом регионе, помогала сохранить международную стабильность.

То, что русскими Сибирская линия воспринималась как граница, защита которой приобретала особую актуальность, подтверждается учреждением в 1765 г. т. н. «десятичного простран-

ства», которое «выделялось из степей» параллельно линии и на котором запрещалось кочевать казахам. Эти «пустопорожние» земли зримо отделяли сибирские пределы от казахской степи. Однако и они, и линия не сделались серьезным препятствием для проникновения казахов внутрь сибирских земель. С 1770 г. казахов стали регулярно пропускать через линию для кочевания в Сибирских пределах при условии выдачи ими аманатов [24, с. 282, 292], которых содержали в крепостях. Данное решение центральных властей демонстрировало важность заселения Сибири для России даже людьми, полностью не перешедшими в ее подданство. Политика, направленная на «наполнение волостей», реанимировала на линии уже исчезнувший в самой Сибири архаичный институт аманатства.

Другим направлением деятельности властей явилось возвращение к практике одаривания казахских султанов и «лучших людей» подарками, прежде повсеместно распространенной в сибирской истории во взаимоотношениях с аборигенами и являвшейся проявлением евразийских традиций в Российской государственности [22, с. 72 – 73]. Для этого существовало особое распоряжение об отпуске Тобольской губернской канцелярии денег «на дачу подарков знатным казахам».

Стоит отметить, что последние воспринимали дары как естественный компонент отношений с русским линейным командованием и начальством Алтайского горного округа. Английский путешественник Т. У. Аткинсон, побывавший на линии и в казахской степи в 1840-50-е гг., привел в своих записках описание того, каким образом русские в 1852 г. приобрели часть территории Чингис-тау, где имелись залежи серебра. Это произошло без единого выстрела, но было обставлено в лучших традициях евразийского понимания величия, силы и богатства. Он пишет: «Начальник Алтайского горного округа, в торжественной процессии посетил султана киргизов (казахов – Л.Ш.), стараясь при этом выказать столько блеска, сколько только было возможно при продолжительном переезде через степь… Он ехал в великолепном экипаже – карете со стеклами – для номадов совершенно невиданное зрелище… Киргизы (казахи – Л.Ш.) были сильно поражены блеском вышитых золотом и серебром мундиров и эполет русских офицеров…» Затем последовал пир.

«Во время переговоров на стол перед султаном было выложено 250 блестящих серебряных кружочков (рублей – Л. Ш.), а 100 рублевиков – перед муллами. Сверх того, перед султаном была выложена большая золотая медаль на широкой красной ленте, а тут же подле – великолепная одежда из тяжелой шелковой материи яркокрасного цвета, вместе с отличною, дорого отделанною саблею… подобная сабля была назначена в подарок и мулле, а прочим почетным лицам, каждому – по яркому шелковому халату и по золотой монете». Путешественник делает вывод: «Никакая сила на земле не могла бы принудить киргизов расстаться с великолепными подарками [15, с. 283 – 284].

Поведение начальника Горного округа середины XIX в. полностью соответствует обряду приема сибирскими воеводами XVII в. ясачных «князцов и лучших людей». Тут и великолепная одежда, и торжественный прием, и обязательный обильный пир, и красивые яркие подарки, и – что важно – парадная одежда самих русских. Собственно коммерческая сделка по продаже земли теряется в красочном евразийском ритуале, но подспудно как бы переводит казахского султана в разряд российских подданных, пусть и негласно.

Конец XVIII – первая половина XIX в. характеризуется несходством политики центральных и губернских властей и позиции Горного округа по отношению к казахам. Это противоречие сказывается на отношении к Сибирской линии. Как уже отмечалось, разрешение казахам кочевать на землях Сибири, а применительно к Иртышскому и Колыванскому участку линии – на землях Алтайского горного округа являлось реминисценцией былой «московской» установки наполнять Сибирь народом.

В связи с этим в 1788 г. выходит распоряжение о переселении казахов из дальних степей во «внутренность России, для кочевания на пустопорожних сибирских землях». Исполнение, как обычно, было отложено в долгий ящик, но в 1812 г. обнаружилось, что казахи появляются в Сибири в основном весной, а осенью возвращаются за линию. Сибирская линия, ее переход казахами, словно календарь, отражала сезонность казахского хозяйства. Постепенно у администрации вызревает другой план обустройства казахов. Уже в 1786 г. появился указ о разделении степи для казахов на три части в соответствии с тремя жузами и

о постройке в ней городов, мечетей, школ, гостиных дворов [24, с. 319, 316].

По существу, это означало бы начало распространения постоянного русского присутствия в казахских степях, за линией, т.е. за пределами Российской империи. Неслучайно после открытия в 1824 г. первых внешних округов уже в 1826 г. Китайский Трибунал отправил в Сибирь письмо о том, что «сибирские власти, пользуясь отдаленностью от столицы, нагло захватывают чужие земли без ведома Белого царя». Тогда, по свидетельству И. Щеглова, министр иностранных дел Нессельроде настаивал на том, чтобы открытие внешних округов не сопровождалось столкновениями с китайцами. Но начальник Сибирской линии генерал Капцевич придерживался иного мнения. Он считал, что нужно проникнуть «в сердце» Китая, как предполагалось при Петре I [24, с. 457], а это означало распространение российского влияния на казахскую степь. Неразрешимая, казалось, проблема оказалась во многом решенной благодаря введению в 1822 г. «Устава о Сибирских киргизах» М.М. Сперанского.

Таким образом, с открытием внешних округов реальная граница отодвигалась все дальше на юг, но линия по-прежнему являлась отправной точкой такой политики, сосредоточием реальных взаимоотношений русских с казахами.

Следует отметить, что вопрос о том, что является более приемлемым для России: переселение казахов в Сибирь или распространение российской власти на их земли, оставался важнейшим в политике России на протяжении всего XIX в. Проблема крылась в особенностях казахской культуры, определяемой не только сезонностью их хозяйства и его скотоводческой направленностью. Она во многом заключалась в распространенной среди казахов такого явления, как баранта (барымта). Т.У. Аткинсон называл ее «страшной язвой, опустошающей ряды номадов, населяющих тамошние (казахские – Л.Ш.) степи», и дал весьма впечатляющую характеристику: «Барантою называется, сопровождаемые грабежом и разбоем, наезды, при случае которых киргизская (казахская – Л.Ш.) молодежь старается выказать свою ловкость и удальство; баранта доставляет возможность наживы и отличия младшим сыновьям зажиточных семей, нако-

нец, под барантою разумеется наследственная месть, переходящая из рода в род» [15, с. 287].

Понятно, что корни баранты кроются в особенностях социальных отношений казахов – за ней скрываются архаичные обряды инициации молодых мужчин, но в условиях политической нестабильности, имущественной дифференциации и развития товарных отношений она приняла извращенную форму произвольных грабежей и насилия, превратилась в некий «народный обычай». И если от нее страдало все казахское общество, то не менее серьезным злом баранта оказалась и для русского населения. С этим связаны непрестанные требования «выдворения» казахов с сибирских территорий.

В 1850 г. генерал-губернатор Западной Сибири предложил всех кочующих на землях Горного ведомства казахов, согласно ходатайству Горного начальства, «удалить с нынешних мест расположения с воспрещением пропуска их с линии в Горный округ» [12, л. 1.]. В донесении Змеиногорского полицейского пристава Бийскому окружному исправнику в 1894 г. говорилось о том, что «прилегающая к Семипалатинской области часть Бийского уезда ежегодно пополняется киргизами (казахами – Л. Ш.), специально занимающимися конокрадством. Вред, чинимый конокрадством – баранта (огромный), т. к. нет села или деревни, где они не украли лошадей…. Лошадей перегоняют в г. Семипалатинск. Все они имеют документы о своих личностях, т. к. выселить их в место своего причисления нет возможности». И далее следует ходатайство Змеиногорского пристава «о воспрещении киргизам (казахам – Л.Ш.) Семипалатинской области проживать в Бийском округе». Бийский окружной исправник Головачевский «огласился с мнением коллегии». Это мнение было доведено до Томских губернских властей [9, л. 25 – 26].

Сложность ситуации заключалась в том, что именно губернские власти проводили политику заселения сибирских земель, привлекая казахов на «пустопорожние земли», выполняя требования центральных властей, как и в XVII в., «полнить волости».

Показательно, что еще в середине XIX в. на губернском уровне обсуждался вопрос «о возможности перевода киргизов (казахов – Л.Ш.) с земель Горного ведомства в другие удобные места в черте Томской губернии, без стеснения местных жителей» Для этого потребовалось выяснить, на каких именно зем-

лях кочуют казахи. В результате ответов, полученных на запросы, оказалось, что в Томской губернии на Кабинетских землях казахи проживают в Колыванском, Барнаульском, Бийском округах.

В Колыванском округе они кочевали с 1817 г. близ Бурлинского озера в Карнауховской волости в количестве 100 юрт. Все они были причислены к Акмолинскому округу. Но кроме них в Колыванском округе находились еще «пришлые казахи» (20 юрт), которые кочевали близ деревень, занимаясь пастьбой скота. Для проживания они получили паспорта.

В Барнаульском округе располагалось примерно 600 юрт казахов, различных внешних округов. В Бийском округе кочевали казахи, причисленные к Баян-Аульскому, Кокбектинскому, Бура-найманскому, Тараклинской, Найманской, Сиван-Коккреевской, Терестамгаменской и Уваковской волостей Семипалатинского округа, а также некоторое количество непричисленных казахов.

В основном казахи кочевали вдоль казачьих станиц, которые располагались чересполосно с заводскими крестьянскими селениями, «недалеко от горных рудников и заводов Змеиногорских и Локтевских», частично в Бухтарминских заводской и инородной волостях и в Убинской волости.

Применительно к казахам XIX в. по-прежнему в управлении ими сохранялась традиционная евразийская черта «несвязанности» земли и населения. Причисленные к выделенным внешним округам, которые находились за Сибирской линией, они перекочевывали в сибирские степи, но по-прежнему оставались в ведении своих султанов и окружной администрации, находившихся по другую сторону линии. Таким образом, линия фактически не разделяла, а связывала казахов одной волости, т. к. ни уездные, ни горно-заводские власти не могли вмешиваться в дела казахов чужого подчинения, даже если они и находились на территории Алтайского Горного ведомства. Именно поэтому горное начальство чаще всего выступало инициатором выселения казахов с Кабинетских земель.

Губернские власти, видимо, были согласны как с доводами Горного ведомства, так и с просьбой Бийского уездного исправника. Томское губернское управление обратилось в Казенную палату, прося выяснить наличие свободных земель в Томской

губернии. В результате обращений к окружным землемерам, один из них – каинский – сообщил в 1851 г., что есть свободные земли в Каинском округе: «Территория от оз. Чаны до р. Чён (Шиш – Л.Ш.) места заселения,.. но дальше идут болота… От реки Чён до р. Тары и дальше идут места урманные, еще не подвергшиеся межеванию. Заселение киргизов (казахов – Л.Ш.) от оз. Чаны до р. Чён близ Тобольской границы будет стеснительным для жительства… В урманных местах поселять их вообще невозможно, т. к. там места лесистые и большей частью непроходимые, от болот сырые… Нет возможности близ Тобольской границы селить киргизов (казахов – Л.Ш.), согласно с их бытом» [12, л. 2 – 18]. Аналогичная переписка велась с землемерами всех уездов Томской губернии в течение нескольких лет, но свободных мест, кроме каинских урманов и болот (даже в Нарымском крае) в Томской губернии и не нашлось.

Между тем, в 1854 г. в степи были образованы две области: Семипалатинская и область Сибирских киргизов, что предполагало упорядочивание системы управления в казахских волостях. Затянув дело, Томское губернское правление в 1857 г. пришло к выводу, что «т. к. занимаемые киргизами (казахами) земли должны войти в состав Семипалатинского внутреннего округа, то предложение Томской казенной палаты о поиске свободных земель в Томской губернии следует оставить без последствий» [12, л. 38]. Таким образом, во второй половине XIX в. евразийская традиция роста числа подданных путем переселения их в контролируемые российской властью земли уступила место европейской тенденции – совмещению подданных и их территории. Это означало, что направление внешней политики, сформулированное Петром I как расширение границ империи, стало ведущим в деятельности властей при решении «казахского вопроса» и в дальнейшем продвижении в Азии.

Тем не менее, в азиатской политике сибирская администрация и в XIX в. немало оставила от своих предшественников. Как и в XVII в., многие вопросы не решались сразу: само течение событий и времени определяли решение. Подобно тому, как в течение семи лет в Томской губернии искали «пустопорожние места» для переселения казахов, так же медленно решалась проблема перехода казахами линии со стороны Китая.

В 1861 г. Бухтарминское волостное правление доносило Бийскому земскому суду о том, что, по данным сельского старшины д. Фыкальской Шарипова, в этом году «неверноподданные киргисцы (казахи – Л.Ш.) из пределов Китая перекочевывают на российскую границу с юртами и скотом». О том же сообщал командующий Фыкальским пикетом казак Литвинов и просил удалить киргиз за границу.

Впоследствии оказалось, что по г. Листвяге и около нее по разным ручьям и речкам – т. е. на земли Алтайского Горного ведомства – около д. Фыкальской и д. Белой перешло «неверноподданных киргиз без дозволения до 200 юрт со скотом до 48 тыс. голов». При этом казахи заявили, что «еще из-за Бухтармы перейдет ныне в три раза больше, чем пришло. Переход производят по примеру предков, без всякого дозволения». И далее следует просьба: «избавить волость от наносимых стеснений от прибивных неверноподданных киргиз (казахов – Л. Ш.), ибо пограничное начальство на самовольный переход тысяч киргизов (казахов – Л. Ш.) не обращает внимания, да и на самом Фыкальском пикете 10 человек, которые не могут выселить за границу такое число киргиз (казахов – Л.Ш.)» [11, л. 1–5].

Военный губернатор Семипалатинской области, отвечая на обращения Томского губернатора, предложил «для недопущения киргизов (казахов – Л.Ш.) Китайского ведомства переходить на правый берег Бухтармы для кочевок на землях Горного ведомства… учредить на Фыкальском пикете отряд из 25 казаков» [11, л. 6]. Одновременно свое мнение выразил командующий Отдельным Сибирским корпусом генерал Дометти. Он разделял мнение военного губернатора, но считал «затруднительным ее проведение», т. к. «опасался возбудить какие-либо столкновения с китайскими властями по делам пограничным» Он предпочитал подождать реализации Пекинского договора 1860 г., по которому предполагалось проведение «прочной» границы. С ее установлением, по его мнению, должны прекратиться все споры и недоразумения, происходящие в этих местах уже более столетия». Генерал считал, что «нельзя допустить, чтобы какие-то меры с нашей стороны возбудили опасения и неудовольство китайских пограничных властей, не повредило бы успеху общего дела – проведению государственной границы». По его мнению, следовало «воздержаться до более бла-

гоприятного случая для решительных действий против прикочевавших в наши пределы подданных Китая киргиз», а также «возложить на казаков Фыкальского пикета обязанность не дозволять подданным Китаю киргизцам переходить на правый берег Бухтармы, стараясь действовать наиболее кроткими мерами и только в крайности употреблять угрозы, но ни в коем случае не прибегать к насилию» [11, л. 7].

Действительно, реализация Пекинского (1860), а затем и Чугучакского (1864) договоров достаточно четко установила государственную границу между Китаем и Россией. Петербургская конвенция 1881 г. скорректировала устройство границы от Горного Алтая до Тянь-Шаня, определив ее на столетие. Объективное усиление России позволило решить пограничные проблемы без серьезных военных столкновений, что также было следствием изначально осторожной политики России в Сибири и на ее южных рубежах, заложенной еще в XVII в. Своеобразным рецидивом того времени выглядит и указание Дометти о недопустимости насилия, т. к. в своей сибирской (шире – азиатской) политике Россия в большей степени полагалась на дипломатические способы улаживания конфликтов, и потому царские указы постоянно требовали от сибирских властей действовать «с лаской» и «насилий не чинить».

Проявление осторожности во взаимоотношениях с Китаем также своими истоками уходило в XVII в., когда слабая в военном отношении, с небольшой плотностью населения Русская Сибирь еще не способна была к активной наступательной политике в этом регионе. Решение спорных, в том числе пограничных, вопросов откладывалось на будущее, что не мешало России и Китаю постоянно взаимодействовать в самых разных сферах.

Просьбы Алтайского Горного ведомства о выселении казахов были естественным отражением процесса сложности русско-казахских контактов. По мере заселения Кабинетских земель с одной стороны и сохранением казахами, как и русскими крестьянами, обычая «захвата земли», рассматриваемого как их неотъемлемое право, постоянно обострялись земельные споры.

В качестве примера можно привести ситуацию, сложившуюся в 1892 г., после того, как Алыбаю Ташкинбаеву разрешили кочевать в Карасукской степи на правой стороне р. Бурлы. Это явилось результатом введения правил от 22 октября 1880, согласно

которым некоторым казахским волостям позволялось кочевать в Кулундинской степи Алтайского Горного округа. Но спустя 12 лет к Ташкинбаеву прикочевали другие аулы, и их общая численность достигла 80 – 85 юрт, что привело к недостатку пастбищ. В конечном итоге, часть казахов самовольно перешла за грань отведенных им кочевок, и возникли проблемы с местными крестьянами. Как отмечал Начальник Алтайского Горного округа, они «наносят вред: травят скотом сенокосы и похищают чужой скот, хлеба, что служит поводом к вражде, ссорам и столкновениям крестьян-арендаторов с киргизами (казахами – Л.Ш.), легко могущие окончиться крупным преступлением вроде самовольной расправы или убийства». Впоследствии аулы Ташкинбаева «выдворили» с левой стороны Бурлы, в места, назначенные для кочевок, т. е. на правый берег [9, л. 1–19].

К тому же, даже в начале XX в. часть казахов по-прежнему переходила линию дважды в год, что также создавало неурядицы в землепользовании. В 1903 г. из Змеиногорского уезда губернским властям доносили, что «инородцев, составляющих отдельные волости, общества, управы или же группы, причисленных к русским волостям нет, хотя проживают вблизи селений уезда группы кочующих киргизов (казахов – Л.Ш.). Но они состоят на причислении по уездам Семипалатинской области и об них по месту проживания никаких списков нет… Здесь (в Змеиногорском уезде – Л.Ш.) они проживают временно по паспортам… Нанимаются в пастухи сельских конских и коровьих табунов. С весны они приезжают и уезжают по большей части осенью или в начале зимы к себе на место причисления в инородные волости, находящиеся в пределах Семипалатинской области» [10, л. 43–45].

В Барнаульском уезде в это время казахи проживали в Ордынской и Ярковской волостях. Они также были причислены к разным волостям Павлодарского и Семипалатинского уездов. «Списков их у местного начальства не было, т. к. они хранились в волостях причисления, т. е. за пределами Барнаульского уезда» [10, л. 51].

В Бийском уезде в пределах 1 и 2 Чуйских волостей проживали казахи, принявшие русское подданство, но нигде не стоявшие на причислении – 267 д. м. п. Казахи Чингистайской волости Усть-Каменогорского уезда, численностью 279 д. м. п.,

кочевали близ границы с Монголией и также не были причислены к какой-нибудь местной волости [10, л. 48 – 49].

Однако во второй половине XIX в. начинается процесс причисления отдельных казахских семей к русским или инородным волостям, но шел он медленно. В конце XIX в. в миссионерском поселке Тюдрала в Горном Алтае обитало 24 казахские семьи, но ни один казах не был причислен ни к одной русской волости или алтайской дючине [20, с. 44].

Несмотря на весьма непростые русско-казахские отношения, казахи охотно нанимались русскими горно-заводскими и губернскими крестьянами пасти скот. Какая-то часть казахов работала в казачьих станицах, заменив в XIX в. калмыков.

Показательно, что знание казахами скотоводства высоко ценилось сибирскими крестьянами, а поскольку они получали за свою работу, как правило, меньше русских, казахи оказывались конкурентоспособными на рынке труда.

Хотя на протяжении второй половины XVIII и в первой половине XIX в. чиновники Алтайского Горного ведомства неоднократно выступали с требованием выселить казахов за линию крепостей, после реформы 1861 г. и упразднения сословия приписных крестьян, они вынуждены были сменить политику, т. к. столкнулись с проблемой нехватки рабочей силы. В 1893 г. управляющие Риддерским и Соколинским рудниками пригласили для горных работ казахов разных волостей Усть-Каменогорского уезда в количестве 20 – 30 человек и первоначально поселили их в мастерских. Вскоре казахи стали нанимать жилье у местных обывателей, и те, поначалу, давали его охотно. Но, поняв, что казахи становятся их конкурентами на рудниках, а они сами лишаются заработка, здешние жители отказали казахам в квартирах. Те вынуждены были бросить работы и уехать из Риддерского. Но в 1894 г. они вернулись и разместились в своих шалашах, а некоторые купили избушки. В конце концов, жители Риддерского, обвиняя казахов в воровстве, обратились к губернским властям, требуя выдворить пришельцев.

В этой ситуации начальство Алтайского Горного округа заступилось за казахов, и объяснив обстановку Томскому губернатору, просило его разрешение на свободное проживание казахов при Риддерском и Соколинском рудниках [9, л. 31 – 37].

Этот поступок весьма показателен, ибо именно среди части руководства Горного округа и военных чинов Сибирской линии к началу XIX в. сложилось устойчивое предубеждение относительно казахов, которое постепенно распространилось и в крестьянской среде.

П. Словцов писал о том, что «крепостным начальникам на линии удалось знать киргизов (казахов – Л. Ш.) только в трех случаях: как торгашей, явившихся в учреждения для размена места, как гостей, приезжающих к комендантам крепостей и как грабителей и разбойников» [17, с. 422]. Такая характеристика казахов была далека от реальности и была следствием оформившихся довольно поздно – лишь к началу XIX в. – негативных стереотипов, которые распространялись постепенно и на все аборигенное население Сибири. Истоки подобных взглядов со всей откровенностью выразил доктор Кибер, работавший в комиссии М. Сперанского: «Русские в Сибири дают понять всем азиатцам, что они, азиатцы, дикари или происходят от дикарей, и что только русские цивилизованы» [Цит. по: 4, с. 291].

Напомню, что в XVII в такую позицию представить было бы невозможно. Русские люди и власти воспринимали аборигенов индифферентно, как данность, как хорошо знакомых подданных, вместе с ними самими пребывающими под «высокою царскою рукою». Деление народов на «дикие» и «цивилизованные» – результат общей модернизации России, начатой Петром Великим и продолжавшейся весь XVIII в. В ее ходе интенсивно и широко распространялись европейские идеи о стадиях общественного развития, об эволюционном ходе истории и о градациях народов в соответствии с их близостью к «цивилизации», в данном случае, к русской, крестьянской культуре.

Постепенно эти идеи прививались на российской почве и, в первую очередь, в европейски образованных слоях – инженеров, военных, высшего чиновничества, путешественников и т. д. Особо отмечу, что среди них было немало выходцев из европейских стран, служивших на линии и даже руководивших ею, не говоря уж о Горном ведомстве. Их сознание, базировавшееся на представлениях о развитии, о возможности пребывания разных народов на разных ступенях развития и принятие собственного (читай: европейского) образа жизни и мысли в качестве эталона цивилизованности, отвергало иные формы культуры, а самые

непривычные их стороны объявляло «дикостью» или «примитивностью».

Таким образом, налаживание русско-казахского диалога на линии проходило сложно, часто без должного взаимопонимания, поскольку, как уже говорилось, на ней сосредоточились и руководили ею европейски образованные люди, шире – носители европейского колониального менталитета. Но Сибирская крепостная линия не была однородна: подавляющее большинство населения ее крепостей и пикетов составляли казаки, чей образ жизни, а частью и происхождение было неразрывно связано со степью. Зная обычаи казахов, постоянно контактируя с ними на бытовом уровне, казаки могли оценить их более объективно и достоверно. Иными словами, линейное казачество ментально было больше связано со своими историческими предшественниками, присоединившими Сибирь в XVII в., чем со своим собственным начальством.

Сибирская линия XVIII – XIX вв., соединив два разных по своей ментальности слоя своих обитателей, как бы совместила в себе социокультурные традиции XVII в., с их евразийскими чертами, и новые европейские влияния, порожденные не только культуртрегерскими, но и гуманистическими идеями. Это позволяло линейным властям в целом осуществлять достаточно гибкую политику на пограничье.

За линией же крепостей простиралась Казахская степь, своего рода аналог «Дикого поля» XIV – XVI вв. и сибирских просторов XVII в., куда уводили в рабство, куда устремлялись недовольные властью или религиозными преследованиями крестьяне и рабочие с заводов и рудников, куда стремились беглые преступники, пытаясь скрыться от государственной власти. Видимо, число беглых, искавших «воли», было весьма значительным, т. к. 30 августа 1814 г. вышел царский Манифест, в соответствии с которым «добровольно вышедшие из степи» освобождались от наказаний, причислялись к выбранным сословиям и поселялись по своему выбору. По данным коменданта Семипалатинской крепости, «из-за границы» в 1815 г. «вышел 51 человек», а в 1816 – 121. Некоторые из них находились в степи по 15 – 18 лет. На прежнее местожительство направились 59 человек: 50 – в Казанскую губернию, 7 – в Вятскую и 2 – в Оренбургскую. Большая же часть – 79 человек – изъявили желание запи-

саться в «ясашную Бухтарминскую волость», образованную из русского беглого населения, так называемых «каменщиков», прощенных и в 1791 г. на правах ясачных принятых в российское подданство, и пользовавшихся достаточной свободой. Кроме того, 8 человек пожелали стать мещанами Семипалатинска. Просьбы всех, кроме пожелавших стать ясачными, были удовлетворены, т. к. по закону «в звании ясашного» надлежало родиться.

То, что Казахская степь к XIX в. превратилась в «Дикое поле» для всей России, наглядно просматривается в перечне мест прежнего проживания «возвращенцев»: Казанская, Вятская, Оренбургская, Нижегородская, Рязанская, Астраханская, Тобольская, Томская губернии [7, л. 21–39].

Столыпинская реформа, направленная на унифицирование аграрных и административных отношений в Сибири и Казахской Степи сопровождалась увеличением в степи количества переселенцев из Европейской России. Все это сглаживало яркую специфику культур, до этого бытовавшее по обеим сторонам линии. Военное проникновение России в Бухару, Хиву, Коканд отодвигало сибирскую границу значительно южнее, и линия, фактически, перестала восприниматься как предел России в Азии. Государственная российская граница шагнула далеко в глубь Азии, но линия, по-прежнему не столько разделяла Восток и Запад, сколько сближала их, сохраняя свое значение перекрестка культур, языков, торговли, человеческих контактов.

Литература

1. Алтай. Историко-статистический сборник. Томск. 1890.
2. Артыкбаев Ж. О. Этнология Алматы. 2006.
3. Бахрушин С. В. Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. // Научные труды. М., 1959. Т. 4.
4. Вагин В. Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири в 1818 – 1822 гг. СПб., 1872.
5. ГАТО. Ф. 1. Оп.1. Д. 273.
6. ГАТО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 56.
7. ГАТО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 4.
8. ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 29.
9. ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 2432.
10. ГАТО. Ф. 3. Оп. 8. Д. 10.
11. ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 586.
12. ГАТО. Ф. 144. Оп. 1.Д. 377.

13. Зиновьев В. П. Определение южных границ Западной Сибири в XVIII – XX вв. // Сибирь и Центральная Азия: проблемы региональных связей. Томск: ТГУ. 2000.

14. Потанин Г. Н. Материалы для истории Сибири // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн 4. М., 1866.

15. Путешествие по Сибири и пригающим к ней странам Центральной Азии по описаниям Т. У. Аткинсона, А. Т. Фон-Миддендорфа, Г. Радде. СПб.,1865.

16. Радлов В. Из Сибири. М., 1989.

17. Словцов П. Историческое обозрение Сибири. Кн. 2. СПб. 1844.

18. Чимитдоржиев Ш. Б. Россия и Монголия. М., 1987.

19. Шашков С. С. Рабство в Сибири // Собр. соч. Т. 2. СПб. 1898.

20. Швецов С. П. Горный Алтай и его население. Т. 3. Вып.1. Барнаул. 1900.

21. Шерстова Л. И. Русские в Сибири XVII в.: ментальные и социокультурные трансформации // Проблемы социально-экономического и культурного развития Сибири XVII- XX вв. Новосибирск. 2005.

22. Шерстова Л. И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика в XVII – начале XX века. Новосибирск. 2005.

23. Щапов А. П. Историко-этнографическая организация русского народонаселения // Сочинения. СПб., 1906. Т. 2.

24. Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. Иркутск. 1883.

25. Ядринцев Н. М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. СПб., 1891.